

- После стольких лет в нашей деревне наконец появился самый настоящий чиновник. Мы должны отпраздновать это событие!

- Это великая радость, которая приносит славу предкам. Это нужно отпраздновать. Брат Лю и остальные еще не вернутся какое-то время, так что пусть деревня отпразднует это событие заранее. Когда они вернутся, мы отпразднуем это еще раз. Мы никогда не должны терять лицо!

Если бы вся деревня никак не отреагировала на появление нового и самого умного чиновника, их имидж мог бы резко упасть в глазах окружающих.

На этот раз они абсолютно не могли снова оставаться в тени.

Лю Чжицю сел в экипаж и ухмыльнулся от уха до уха:

- Хорошо. Тогда подождите меня. Я привезу еду для совместного празднования сегодня днем. Давай напьемся сегодня вечером!

Когда карета тронулась, издали послышались радостные возгласы позади него. Лю Чжицю весело напевал песенку.

Старший брат действительно оказал семье неизмеримую честь.

Когда он вернется, он должен попросить его компенсировать деньги, которые он потратит на этот раз.

Он не должен оплачивать все сам за праздник, предназначенный для него.

Его старший брат подарил ему в общей сложности два серебряных слитка в канун Нового года. Учитывая сегодняшние расходы, они, скорее всего, все будут потрачены.

Это было то же самое, что не заработать ни пенни из рук своего старшего брата.

Он даже не знал, не облажается ли он снова. Он знал, что, вероятно, что-то должно произойти, поэтому он был рад, что пока ничего не произошло.

Он мечтал о горах, богатых серебром, но в конце концов похоронил себя.

Когда карета прибыла в уезд, Лю Чжицю выгрузил товар, взял плату и положил ее в карман. Затем он повел экипаж обратно в город.

Добравшись до города, он направился на рынок, чтобы купить овощей и мяса. Вино будет с их собственной винодельни, так что доплачивать за него не нужно.

Вино на улице было не такое вкусное, как их домашнее вино.

- Эй! Лю Чжицю! Подожди!

Внезапно из задней части кареты донесся женский голос.

Лю Чжицю замедлил ход кареты и обернулся, затем нахмурился.

Тот, кто стоял рядом с каретой, была одной из психопаток Кан Цзыной.

Какой смысл улюлюкать и кричать на улице?

- Зачем она это делала?

- Ты собираешься поехать в город Канву? Подвези меня! Кан Цзыюй подлетела к борту кареты и сказала с некоторой настойчивостью:

- Разве у вашей семьи нет собственной кареты? Он боялся, что она перевернет всю карету на полпути.

- Мой отец отправился в город, чтобы заняться официальными делами, воспользовавшись нашей каретой. Подвези меня, пожалуйста. Должна ли я заплатить за поездку?

Сумасшедшая, она что, пытается меня оскорбить?

Неужели мне нужна эта ничтожная плата за проезд в карете?

Он поджал губы и остановил экипаж:

- Садись.

Прежде чем он успел закончить предложение, женщина уже поднялась наверх, сохраняя элегантность своих движений.

Она была уверена, что он отвезет ее.

Когда они снова отправились в путь, ни один из них не произнес ни слова.

Лю Чжицю проигнорировал человека, сидевшего в экипаже и снова напевал мелодии.

Все это было то, что он слышал от дедушек и бабушек в деревне. Он напевал их все и начинал все сначала.

Кан Цзыюй выдержала половину и больше не могла этого выносить. Она слышала бесчисленное множество мелодий, но никогда не слышала ничего столь непривлекательного для ушей.

- Ты можешь перестать петь?

- Я пою все, что хочу. Какое это имеет отношение к тебе?

- Я сижу здесь!

- Ты можешь выйти из экипажа, если хочешь.

- ...

Кан Цзыюй впиалась взглядом в глаза сидящего перед ней мужчины, который был лишен каких-либо нежных или защитных чувств к представительницам слабого пола. Она раздраженно заскрежетала зубами.

Будучи дочерью окружного судьи, она повидала много дворянских детей. В конце концов, личности и происхождение были разными. Только деревенщина вроде Лю Чжицю обладал такой внешностью.

Среди окружающих ее людей, он был единственным, кто не окружал ее и не заискивал перед ней все время?

Он был единственным, кто обращался с ней грубо и всегда находился в дурном расположении духа.

Может быть ему дать пощечину из-за возникшего недоразумения?

Это было немыслимо. Не желая слушать такую вызывающую удивление мелодию, Кан Цзыюй на мгновение замолчала и снова заговорила:

- Ах, Лю Чжицю, перестань петь. Я хочу тебя кое о чем спросить.

<http://tl.rulate.ru/book/55568/1783848>